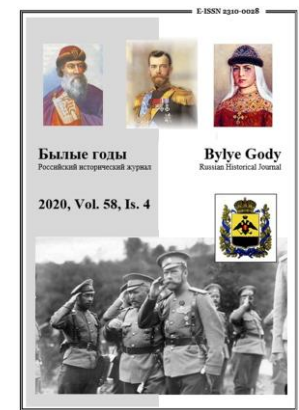

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2356-2364. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2356
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Unwritten Law: Social Privileges of the Highest Command Staff of the Stavropol Corps of Christened Kalmyks in State Policy (from the 40s through the 60s of the 18th century)

Andrey S. Ryzhev ^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article mainly concentrates on the formation of a border military-political structure in the south and southeast of the Russian Empire in the second third of the 18th century. The fundamental principles of the relations between the state and the ethno-confessional groups of the steppe borderlands and their local elites at the head of them in a certain period of the early Modern Time were first studied in the scholar history literature. A representative example of the study is the Stavropol Kalmyk host (since 1745 – the corps of christened Kalmyks). The formation of the host upper estate around the first ruler of the Kalmyk settlement in Stavropol-on-Volga, convert princess Anne Taishin/Daichin (Tseren Yandji, granddaughter of Ochirt Tsetsen Khan) was traced on the base of little-known documents. The character/nature of social relations in which the ruling and most influential host commanders was included is indicated in proposed research, and the manifestations of social differentiation in this layer are revealed here also. Most attention is paid to the actual status and social claims of the privileged stratum of the host in comparison with its legal status. It is demonstrated that during the reign of Elizaveta Petrovna this group sought corporate feudal privileges by an explicit procedure due to the connivance, expressed both in laws of the state and in the policy of the local civil-military administration. However, it is indicated that with the advent of Catherine II, the situation began to change in the opposite direction. The author states in conclusion that with the development of political interaction of Russia with the Steppe and in the conditions of Catherine's toleration, the local group of the baptized Kalmyk aristocracy ceased to be in demand by the state, and, accordingly, the growth of its social privileges was limited.

Keywords: the Russian Empire, early Modern Times, Empress Elizaveta Petrovna, Empress Catherine II, convert princess Anne Taishin/Daichin (Tseren Yandji, granddaughter of Ochirt Tsetsen Khan), ethno-confessional groups, baptized Kalmyk aristocracy, Stavropol' Kalmyk host, social relations, religious tolerance.

1. Введение

На протяжении последних двух десятков лет актуальным направлением изучения Российской империи в Новое время оставалась вероисповедная политика властей. Свое место в обозначенном русле занимала проблематика имперской христианской элиты, источников ее пополнения, отдельных групп в ее составе, как старых, возникших в средневековье, так и новых, ведших свою историю с конца XVII – начала XVIII вв.

Особый интерес подобные группы вызывали в контексте действия механизмов имперского развития России, в частности движения российских границ и интеграции окраинных территорий. На юге и юго-востоке страны в связи с длительным соседством калмыцкого и русского обществ и, шире, пограничных оседлой и кочевой культур на исходе первой трети XVIII в. видное место в планах государства отводилось крещеной калмыцкой аристократии. Калмыки служили на Дону,

* Corresponding author

E-mail addresses: riazhev@yandex.ru (A.S. Ryzhev)

в Белгородском, Чугуевском полках Слобожанщины (Шовунов, 1992: 38-43; Максимов, 2016: 21-90). Корпоративных объединений знатных калмыков, способных проводить российскую волю, там не возникало. Калмыцкая верхушка, даже формально христианизированная, сохраняла свои исповедание и уклад жизни: недолгая и бесславная история Калмыцкой кочевой миссии в улусе Баксадая Доржи – князя П.П. Тайшина это вполне подтвердила (Джунджужов, Любичанковский, 2017а: 177-180). Войско калмыков в Ставрополе-на-Волге, созданное по инициативе того же П.П. Тайшина, явилось исключением, повлиявшим во второй трети XVIII в. на конфессиональную ситуацию на Дону и в Калмыцком ханстве (Бакунин, 1995: 39-50). Во многом это произошло благодаря высокому статусу верхов Ставропольского корпуса крещеных калмыков (такое наименование появилось в обиходе с 1745 г.). Он возник вследствие определенных государственных мер, в целом призванных в изучаемое время выстроить цепь взаимодействия с локальными элитами степного пограничья.

2. Материалы и методы

Практически вся история Ставропольского корпуса крещеных калмыков указанного времени охвачена источниками официального происхождения (документы, законодательство). Важнейшее место занимают документы учреждений Оренбургской губернии, в том числе подчиненной ей Ставропольской канцелярии. Они характеризуют связи органов управления с калмыцкими командирами и их окружением, крестившимися и зачислявшимися в войско с сохранением социальных привилегий. Они также подтверждают тенденцию властей в центре и на местах поддерживать высший слой ставропольских калмыков в силу господствовавших крепостнических порядков (Волжские..., 2011: 52-53, 69-72, 109-113, 114-122, 177, 179-183, 194, 195, 211-212, 242-246, 257-261). В целом документы говорят, что подобная тенденция шла дальше формально установленных правовых пределов, и отсюда значение материалов трудно переоценить.

Привлеченное законодательство собрано в ПСЗ. Оно дает представление о сословной политике государства и ее воплощении касательно ставропольских калмыков. Существенную роль для второй трети XVIII в. играет указ Сената от 15 февраля 1745 г. «О правилах содержания и управления Ставропольской крепости и поселенных при оной калмыках», которым был установлен штат войска и служебные prerogatives его первых лиц. Подлинный день выхода указа – 19 февраля (Шовунов, 1992: 55).

Инструментарий исследования охватил методы анализа источников и обобщения полученных данных. Целью аналитической работы стали рост информативности и выявление содержательных нитей между документами. Для обобщения информации применен проблемно-хронологический метод, который дал возможность выяснить социальное положение калмыцкой элиты Ставрополя-на-Волге и юридически, и фактически.

3. Обсуждение

К созданию Ставропольского войска и его верхнего слоя причастен цвет российской общественной мысли и управления той эпохи: И.К. Кириллов, В.Н. Татищев, П.И. Рычков, В.М. Бакунин, А.П. Волынский, И.И. Неплюев, А.И. Тевкелев. В этом плане историография ставропольских калмыков имеет длительную традицию (Третьякова, Мыслицкая, 2015: 257-259). Содержательно она близка теме развития христианства у калмыков и появления крещеной аристократии, прочно освоенной в литературе (Любимов, 1915: 5-12; Дорджиева, 2009: 135; Джунджужов, 2014: 361-362). С 1990-х гг. и по настоящее время множатся трактовки истории калмыцких служилых групп, и калмыкам ставропольским отведен явный приоритет (Шовунов, 1992: 133-138; Торопицын, 2002: 112-120; Джунджужов, 2020: 81-85).

Предметом исследователей стали также имперская политика и ее воздействие на судьбы таких групп (Кузнецов, 2006: 40; Djundjuzov, Lyubichankovskii, 2017: 1196-1199; Ряжев, 2018: 91-92; Ходарковский, 2019: 198-255). Зависимость от России дала основания ввести их в число «клиентских обществ» – проводников ее влияния, возникавших с XVII в. (LeDonne, 2004: 77-79, 151-152). Специалистами отмечена роль В.Н. Татищева в обустройстве Ставропольского поселения (Смирнов, 1997: 79-83). Налицо прогресс в области источниковедения истории калмыков Урало-Поволжья (Ряжев, 2012: 14-17), в связи с чем изучение привилегированной социальной прослойки войска в Ставрополе-на-Волге имеет значительные перспективы.

4. Результаты

Начало формирования высшей прослойки калмыков в Ставропольском войске относится к 1737 г. и связано с подготовкой властями прибытия на Волгу княгини А.А. Тайшиной: именно вокруг нее сплотились доверенные люди ее покойного мужа П.П. Тайшина. Их перечень сохранил экземпляр текста присяги в Петербурге при получении княгиней Жалованной грамоты императрицы Анны Ивановны от 1 июня 1737 г. На присяге имеются два рукоприкладства, в которых названы девять имен: «Иван Шоро. Петр Менко. Кирило Шарап присягал и в том я, Кирило, руку приложил. Семен Тюрен. Григорей Балдан. Сергей Ясул Гецуль. Иван Амур. Василий Даадан. Иван Мангут присягал и в том я, Иван Мангут, и вместо их руку приложил» (Волжские..., 2011: 52). Первый

комендант Ставрополя полковник А.И. Змеев привел в представлении начальникам Оренбургской и Башкирской комиссий В.Н. Татищеву и Л.Я. Соимонову от 18 декабря 1737 г. более широкий перечень сподвижников П.П. Тайшина. Здесь, наряду с прежними, десять новых имен: «...а ныне при оной княгине имеется зайсангов... по ее представлению к правлению дел Иван Шоро, Петр Менко, Кирило Шарап, Матвей Бату Менко, Иван Чидор, да сверх оных Григорей Дайши Замсо, Семен Тюря (Тюрен в предыдущем списке – Авт.), Иван Мангут, Афанасей Тукан, Григорей Балдан, Сергей Ясул Гецуль, Иван Амур, Василей Даадан, Федор Котема, Андрей Дабрицын, Костентин Ходжин, Андрей Ламаджан. Да княгиня ж Тайшина представляет... для всяких... от нея в калмыцкие улусы посылкок определить... Нестера Цодаша, Степана Кюрю...» (*Волжские...*, 2011: 70).

В 1743–1744 гг. ставропольскую верхушку пополнили владельцы – родственники П.П. и А.А. Тайшиных, с крещением получившие княжеские титулы: Чидан Дербетев – Никита Тайшин, братья Тундут и Аюша – Петр и Павел Торгоутские. Несколько позже появился нойон Себеть – Семен Артемьев Хошеутов (Хошоутов), сподвижник хана Дондук-Омбо. В 1758 г. в войско был зачислен Норбо Данжин – Дмитрий Яковлев, двоюродный брат нойона Амурсаны, последнего правителя Джунгарии, вышедший в Россию с остатками джунгарских сил после уничтожения ойратского государства Цинами.

Состав высшей прослойки войска рос и благодаря пополнению по женской линии. Так, князь Павел Торгоутский женился на Анне Васильевой – вдове хана Церен-Дондука. Спустя время после смерти Павла она вступила в брак вновь, и ее мужем стал И.Н. Дербетев-младший, сын князя Н. Тайшина, позже депутат Уложенной комиссии Екатерины II. В 1746 г. в Ставрополь прибыла Тютеря – Елена Иванова, внучка хана Аюки, дочь его сына Галдан-Данжина, выданная тут же замуж за С.А. Хошеутова. В 1749–1750 гг. российские инстанции хлопотали о том, чтобы вывезти в Ставрополь из казахского плена Цойраши, сестру войскового квартирмейстера А. Хошеутова, состоявшего в родстве с С.А. Хошеутовым (*Волжские...*, 2011: 177, 179–181). В 1750 г. И.Н. Дербетев-старший, сын князя Н. Тайшина, женился на дочери княгини В. Дондуковой, вдовы хана Дондук-Омбо. Наконец, в 1752 г. С.А. Хошеутов крестил и отдал в Ставрополе замуж с вдова губернатора И.И. Неплюева сестру Анну Петрову.

Ставропольское «высшее общество», таким образом, в социальном плане выглядело гомогенным. Но существовала внутренняя иерархия, обусловленная социальным и политическим факторами. С одной стороны, первенство имели аристократы по сравнению с людьми более низкого происхождения. С другой – власти дорожили поселенцами «первого часа» – людьми четы Тайшиных, отдавая должное в случае необходимости их наследникам, даже если они считались менее родовитыми, нежели пришельцы ханской крови. В проекте штатного расписания войска особый оклад – 50 руб. в год – шел «бывшаго полковника Шоры сыну Афанасью», и не случайно: «бывший» (к тому времени покойный) полковник И. Шоро значился приближенным П.П. Тайшина в списке бригадира А.И. Змеева 1737 г. Администрации же, заполнившей вакансии людьми первого набора в управлении войском, должно было примирить их интересы с интересами представителей знати, прибывавших на Волгу позже них.

После смерти княгини А.А. Тайшиной главенство в войске занял К. Шарап – зайсанг П.П. Тайшина, как и И. Шоро. В связи с намеченным приездом в Ставрополь новоявленных князей Петра Торгоутского и Никиты Тайшина предусматривалось их преимущество в положении и делах войска, ибо они представляли ханский род. В указе Коллегии иностранных дел от 12 ноября 1743 г. об этом сказано: «Пришедшему ис калмыцких улусов на Дон и пожелавшему... владельцу Чидану в Ставрополе жить... над... Кирилом Шарапом иметь... первенство и обще с прочими... зайсангами управлять всеми крещеными калмыками...» (*Волжские...*, 2011: 122). Норма повторялась в указе Сената от 15 февраля 1745 г.: «...Владельцу Никите Тайшину... над... Полковником Кирилом Шарапом велено иметь первенство; он же в Калмыцком Суде имеет быть...» (*ПСЗ. Т. 12. № 9110. С. 313*).

Чинов, отвечавших статусу прибывших князей, сначала не нашлось. В проект штатного расписания войска в сентябре 1744 г. имена обоих были внесены в силу происхождения: «княгиня Анна Тайшина, а по ней ее наследник Петр Торгоутской..., владелец Никита Тайшин» с окладами 500 и 150 руб. в год. Лишь после них в штате шла номенклатура войска: полковник, судья, «ясаул», писарь, строевые командиры (ротмистры, хорунжие, есаулы, урядники), толмачи, «розсылщик» (вестовой). Но П.И. Рычков, готовя штат к утверждению, понимал, что привилегированным пришельцам отличия в рангах необходимы. Поэтому он внес в штат важные дополнения: ввел новые войсковые чины и разделил ограниченное количество офицерских вакансий на разряды. Своему шагу он дал следующий комментарий: «...Хотя в них против прежняго нынешняго состояния чина, то есть управитель улусов, Войсковые квартирмейстер и харунжей излишние положены, но сие в том рассуждении, чтоб впредь из знатных людей, прибывающих во оные, вмещать и без чинов бы не иметь для избежания между ими ссор и не порядков, как так и ныне прибывшему владельцу Павлу Торгоутскому... надзирательской чин дать, дабы ево пред прочими не озлобить» (*Волжские...*, 2011: 119). В итоге Павел Торгоутский занял в войсковом суде место судьи.

Ставропольский господствующий слой окончательно оформился именно в 1740-е гг. Наряду с пополнением извне его источником стало воспроизводство: дети из семей первых лиц войска

занимали вакансии в первую очередь или пользовались почестями, благодаря заслугам и влиянию отцов. Представление об этом дает реестр Оренбургской губернской канцелярии от 24 сентября 1744 г. о раздаче личного имущества покойной княгини А.А. Тайшиной. В документе значится: выдача вещей произведена прежде всего «владельцу Никите Тайшину... Жене ево... Сыну ево Ивану Тайшину... Ево ж сыну большому... Полковнику Кириле Шарапу... Войсковому судье Петру Торгоутскому... Вновь приехавшему из Москвы владельцу Павлу Торгоутскому... Жене ево... Ясаулу Григорью Дайше Замсе... Ивану Мангуту... Шориной жене (жене Ивана Шоры, называвшегося в списках 1737 г. – Авт.) с сыном... Илье Хашке... Матвеем Бату Менке с сыном... Ивана Чадира (Иван Чидор фигурировал в списке 1737 г. у А.И. Змеева, первого коменданта Ставрополя – Авт.) сыну Ивану...» (Волжские..., 2011: 109-111). Это и есть ставропольские «сливки общества», представленные первыми лицами, их женами и детьми – им и достались пожитки княгини, обладавшие ценностью: столовое серебро, дорогие или редкие предметы быта и гардероба, отрезы материи, транспортные средства (карета «берлин», дорожные коляски).

Реестром зафиксирован и второй эшелон начальства войска. Раздача вещей адресовалась также «Федору Сабаю з братом... Алексею Собоку... Максиму Чоноче... Афанасью Тукану... Ивану Хубиту... Лаузан Гончику Константину... Михайле Дайше Замсе... Федору Борбе... Федору Лоузану Дорже... Семену Дамбарше... Семену Золбину... Федору Сюзуку... Даниле Дерету...» (Волжские..., 2011: 111, 112). Здесь, кроме А. Тукана, лишь новые имена.

Ценностей их обладатели не получили, раздача для них являлась скорее памятными подарками, нежели пожалованиями. В самом деле, в списке стоят «зеркало круглое малое..., зубочистка серебряная и две иглы серебряных..., двой чотки костяные..., из салфеток хороших три, часы солнечные медные», домашние вещи – медные кастрюли, металлические шандалы, кувшин для умывания, прочая утварь.

Исключением выступает лишь ротмистр Данила Дерету. Его подарок – «шесть стаканов серебряных» – явно относит его к «высшему свету», и не без оснований. Доверенный человек П.П. Тайшина, Петра и Павла Торгоутских, хранитель ханской печати, человек с большими связями в степи, он сумел отличиться и перед российским начальством, передав ему ханскую печать и не допустив ухода этой важной инсигнии в степь. В документе значится, что пресловутые стаканы достались ротмистру, незадолго до того начавшего службу в Ставрополе, именно «за объявление и отдачу им печати, коя по указу отыскивана скрытно, и в награждение» (Волжские..., 2011: 112).

Всего в обеих группах тридцать человек. Они и составили, собственно, всю войсковую калмыцкую «олигархию» (хотя в 1750-е гг., о чем выше, она несколько расширилась за счет новых персон).

Российские власти полагали в существовании верхней прослойки залог управляемости и боеспособности войска, численность которого в изучаемое время постоянно росла. Калмыков – обитателей Ставропольского поселения, военнослужащих и членов их семейств – в 1740-е гг. набиралось свыше 4 тыс. чел., в 1750-е – свыше 5 тыс. Законодательство декларировало замену прежнего социального уклада калмыков новым служебным порядком. Об этом шла речь и в указе Сената от 15 февраля 1745 г. Здесь фигурировала отсылка к норме указа Коллегии иностранных дел от 9 января 1744 г., по которой военнослужащих-калмыков «повелено числить казаками», но не людьми, зависимыми от крещеной знати, ибо «сие над Крещеными калмыками владение... допустить... весьма не возможно...» (Волжские..., 2011: 30, 90; ПСЗ. Т. 12. № 9110. С. 314).

Однако указ намечал отход от жесткой нормы и давал его обоснование. «Владельческие и зайсангские достоинства, – говорилось далее, – подобно дворянству, между Калмыками в наследство, то есть, от отцов к детям, происходят, и прежнее Калмыцкое обыкновение имелось, что их зайсанги улусных своих людей в наследство детям своим присвоили...». После появления калмыков в Ставрополе, констатировал указ, отмены старого порядка и ввода новых служебных отношений, свободных от прежних социальных обязательств, так и не последовало: «между всеми оными Калмыками в содержании их никакого... учреждения поныне не учинено; ибо... чиновные их люди и зайсанги, приласкав и подобрав под власть свою, кто сколько мог кибиток, в своем ведомстве их и содержат и от них корыстуются...». Причиной, по которой новый служебный порядок не прижился, стала сословная политика, о чем говорится прямо: отмена прежней социальной зависимости не отличалась радикализмом, «дабы чрез то лучших и заслуженных людей фамилии в презрение и уничтожение не приходили, а особливо наблюдать сего о главных зайсангских детях, которые ежели б были не крещены и в прежних своих местах, то б они тех улусов лишаться не могли...» (ПСЗ. Т. 12. № 9110. С. 314).

Отсюда государство вынужденно обеспечивало фактическое владение и наследование зависимых улусных людей представителями войсковой знати, консервируя социальные отношения: «...и для того в таком случае, когда который зайсанг умрет, и улусных Калмык лучших людей градскому командиру спрашивать, хотят ли они в ведомстве того наследника быть, который после умершаго зайсанга остался? И буде объявят желание, то им того не возбранять, а буде похотят у кого-либо у другаго в ведении быть, то их к тому и приписывать; однако ж сие градскому командиру надлежит разбирать, призывая в совет Калмыцких Судей... и для того о таковых улусах заранее

предусматривать и разведывать, довольны ли они тем наследником или нет...» (ПСЗ. Т. 12. № 9110. С. 314). Указ, таким образом, устанавливает, что владельца сменить можно, принцип же владения незыблем. Соответственно, сохранение властями социальной архаики, равно привычной для калмыцких верхов и низов, и определяло социальное положение первых в войске.

Как следствие, претензии привилегированных сказывались откровенно и в разных сферах. Обычными стали запросы на снисхождение, почести и чины по праву рождения. Так, А.И. Шорин, сын полковника И. Шоры, в 1750-е гг. дважды пытался бежать со службы. Но он не только не понес никакой кары, но и в дальнейшем, благодаря заслугам отца, пользовался расположением губернатора И.И. Неплюева, который уважил нежелание беглеца быть в строю и помог определиться «по статской части» – толмачом в Коллегию иностранных дел. А.И. Шорин и там пришлось не ко двору, но сановник вновь выручил: взял на место толмача в Ставрополь, а в 1757 г. приставлял к джунгарам-аристократам, вышедшим в Сибирь, на переговорах об их зачислении в Ставропольское войско (Волжские..., 2011: 192-193, 213-216, 223, 231).

Вера Андреева, вдова Павла Торгоутского, в доношении в Ставропольскую канцелярию от 26 февраля 1768 г. просила офицерский чин для одного из своих детей: «Меньшого сына моего Ивана, яко уже приспевшего в совершенной к службе возраст..., определить в харунжие на ваканцию, хотя он от калмыцкого корпуса и не аттестован...» (Волжские..., 2011: 242). В канцелярском доношении на имя оренбургского губернатора А.А. Путятина действительно читаем: «...Он, Торгоуцкой..., ко определению в службу в настоящие лета приспел, то Ставропольская канцелярия представляет ево к награждению в харунжие недостойным...» (Волжские..., 2011: 246). Но вдову ничто не останавливало, а аргумент был прост: «за службу отца ево, а моего покойного мужа» (Волжские..., 2011: 242). Ставропольская канцелярия, хотя и не соглашалась с назначением знатного юноши на офицерскую вакансию, в приобщенной справке признавала, что порядок вещей, к которому апеллировала Вера Андреева, имеет давние корни: «ибо де наперед сего ис таких же владельческих детей некоторые, не имея ж прежде никаких чинов, произведены... люди также еще молодые...» (Волжские..., 2011: 243).

Не хуже ставропольских канцеляристов об этом знал и оренбургский губернатор А.А. Путятин, внутренние же трения в верхушечной среде, которые задержали чин для отпрыска князя Павла Торгоутского, сановника не касались. Соответственно, вышло «повеление... от 5 марта... о определении в харунжие умершаго полковника Торгоуцкого сына Ивана, буде ваканция есть, надлежащим образом...». Возразить Ставропольская канцелярия не посмела, доложив в ответ: «...И по оному Вашего Сиятельства повелению он, Торгоуцкой, когда порозжая харунжеская ваканция будет, то на оную помещен быть имеет» (Волжские..., 2011: 247).

Стоит подчеркнуть, что подобный «олигархический» порядок затрагивал далеко не всех офицеров войска. Так, в сентябре 1750 г. урядник Яков Абяк подал в Оренбургскую губернскую канцелярию доношение о денежном и хлебном содержании. Он указывал, что «определено мне быть на таком основании: во-первых, когда я, именованный, находиться буду при улусе, то править должность урядническую и по моему сведению... иметь над калмыками добропорядочное смотрение, которое по моей ревности и отправлял..., во-вторых, мне же и в командированной в Оренбург повсягодной калмыцкой команде впредь до вакансии во всех походах быть и отправлять за есаула...» (Волжские..., 2011: 182). Абяк числился на службе с 1745 г., то есть вступал в строевую должность во время ежегодных командировок на границу для усиления яицких и оренбургских казаков, но, как он сам отмечал, «в том звании с вышеписанного году при каждом походе, яко же и ныне я, именованный, пребываю ж, точию во всем содержусь на своем пропитании, ибо... ни денежным, ни же хлебным жалованьем не награжден, тако ж и действительно з жалованными есаулами в комплект и донныне не вмещен, и от того за неполучением себе никакого жалования, паче от понесения бывших с помянутого года походов, пришел в крайней недостаток» (Волжские..., 2011: 182).

Социальная дифференциация командного состава здесь предстает явно. В самом деле, с одной стороны, назначение в ротмистры и хорунжие молодежи высокого происхождения без всякой выслуги, с другой же – усердная, «по моей ревности» строевая служба, ежегодные боевые походы в низшем ротном чине, и предел желания – даже не фактический многолетний чин за собой закрепить, а причиненные службой убытки снять: «Нижайше прошу, дабы милостивейшим рассмотрением повелено было за показанную мою службу определить мне против (наравне – Авт.) протчих есаулов денежное и хлебное жалованье, чтоб я против их не был обижен и впредь не пришел в наивящее несостояние» (Волжские..., 2011: 183). Одним словом, тем, кто не мог рассчитывать на покровительство родственников, заслуги предков и внимание инстанций, в жизни приходилось гораздо хуже, и документы свидетельствуют об этом со всей определенностью.

Важной корпоративной ценностью ставропольцев была служебная автономия, за которую они цепко держались. Показательный случай имел место в июле 1755 г., когда отряд ставропольцев участвовал в подавлении восстания Батырши. Поручик Луцкой, командовавший подразделением, в котором состояли калмыки, подал рапорт на их есаулов «с показанием их против ево ослушностей, не порядков и соблазненного бесчинства...». Те, однако, подали встречный рапорт «в наказании их... яко безвинно...». И.И. Неплюев, вопреки сложившейся в войсках практике, взял сторону есаулов:

«...те калмыки... неправы, токмо ему, Луцкому, в такие наказании непосредственно собою вступать не надлежало, но... по согласию с их собственным командиром ротмистром Анчуковым..., яко он, Анчуков, для того при них командиром и учрежден...». В итоге Луцкого отстранили от командования, а вышестоящий начальник, полковник Роден, получил порицание (Волжские..., 2011: 205-206). Согласие с субординацией калмыков явилось признанием ценности ставропольской верхушки для властей.

Семьи войсковых заправил претендовали на конкретную помощь государства сверх средств, выделявшихся на содержание войска. Из документов известно: вдовы полковника Кирилла Шарапа, князя Павла Торгоутского, депутата екатерининской Уложенной комиссии И.Н. Дербетева-младшего выпрашивали себе пенсион, и в столице давали согласие, хотя деньги изыскивались с трудом, нерегулярно и порой за счет расходов на офицеров-калмыков низкого происхождения (Волжские..., 2011: 211, 242-243, 257).

Главные претензии ставропольских «сливок общества» проявлялись в сфере социальных отношений. Так, для ротмистра Д. Дерету в порядке вещей было постоянно требовать, чтобы ему обеспечивалось главенство над его людьми после крещения и зачисления на службу в Ставрополе (Волжские..., 2011: 89, 168-173). Того же добивалась и княгиня В. Дондукова для своего зятя И.Н. Дербетева-старшего, пробивая в инстанциях перевод того в Оренбург и сохранение за ним «третцати кибиток крещеных калмык с зайсангом Федором Соломом, которые ему (Дербетеву – Авт.) после отца его, владельца Никиты Дербетева, достались по наследству» (Волжские..., 2011: 194). При этом нормы узаконений 1744–1745 гг. о том, что «всех крещеных калмык надобно числить... казаками и определенным в чины зайсангам ими только командовать...» (Волжские..., 2011: 90) игнорировали обе стороны: и калмыцкое начальственное звено войска, и русская военно-гражданская администрация. В данном плане елизаветинское правление явилось для первого поистине «золотым веком».

5. Заключение

Рубеж 30–40-х гг. XVIII в. ознаменовал начало долгого вхождения Российской империи в мир Великой степи. Для властей этот процесс оказался сложным: им предстояло, действуя в ситуации неопределенности, понять стержневые свойства степной политической жизни. Следовало учесть прежде всего изменчивость, мобильность степных политических структур. Далее надлежало усвоить неоднозначность влияния на общество социальной дифференциации, именно соотношение роли аристократии, чингизидов как особой страты общества и горизонтальных родоплеменных связей. Наконец, следовало принять во внимание и отсутствие антагонизма между кочевой и оседлой культурами, свойственное кочевой ментальности Нового времени. Такую систему можно назвать кочевым феодализмом: его понятие и рабочая модель давно и глубоко утвердились в отечественной науке, а в 2000-е гг. были актуализированы за рубежом (Sneath, 2007: 1-5; Kradin, 2014: 13-58).

На начальном этапе взаимодействия с подобной системой государство нуждалось в опоре и посреднике и нашло их в части кочевой знати, склонной в борьбе за положение порывать с привычной социальной средой, а в ряде случаев и с прежним исповеданием. Смысл создания верхушки ставропольских калмыков именно таков. Поддержка свыше задала этой группе известный социальный стандарт: она явочным порядком настаивала на корпоративных феодальных привилегиях, не ощущая правовых ограничений, словно закон как таковой для нее значил мало или ничего. Для елизаветинского времени соответствующий компромисс был нормой, своего рода неписанным законом, определявшим линию администраторов на местах.

При Екатерине II позиция изменилась: политика толерантности задала другие шаблоны взаимоотношений с иноверными степняками. Прежнее посредничество потеряло востребованность, что делало неизбежным перемену участи ставропольских чинов в военно-политическом укладе пограничья, подразумевавшую и включение их в общие правовые рамки. В инструментарии властей наработанные приемы создания групп знати – посреднических «клиентских обществ» – сохранялись, хотя основной зоной их применения стал Северный Кавказ (до начала активной фазы Кавказской войны в 30-е гг. XIX в.).

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ АААА-А19-119011490038-5).

Литература

Бакунин, 1995 – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. Элиста, 1995. 153, [5] с.

Волжские..., 2011 – Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. Ростов-на-Дону, 2011. 320 с.

Джунджужов, 2014 – Джунджужов С.В. Российская политика христианизации калмыков и ее влияние на общественные отношения в волжском Калмыцком ханстве (конец XVII – середина 30-х годов XVIII в.) // *Известия Самарского научного центра РАН*. Т. 16. № 3 (2). С. 359-363.

Джунджужов, 2020 – Джунджужов С.В. Правовое регулирование поселения калмыков в Оренбурге в 40-е годы XVIII века // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2020. № 1 (33). С. 80-89.

Джунджужов, Любичанковский 2017а – Джунджужов С.В., Любичанковский С.В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // *Новый исторический вестник*. 2017. № 3 (53). С. 172-191.

Дорджиева, 2009 – Дорджиева Е.В. Власть и традиционная калмыцкая элита в XVIII в. (открытая интеракция и скрытые транскрипты) // *Власть*. 2009. № 4. С. 131-135.

Кузнецов, 2006 – Кузнецов В.А. Ставропольское иррегулярное калмыцкое войско на службе России // *Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск: «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии»*. 2006. С. 38-42.

Любимов, 1915 – Любимов С. Русские князья калмыцкого происхождения. Князья Тайшины, Дондуковы, Дондуковы-Корсаковы, Дондуковы-Изъездиновы // *Труды Ставропольской ученой архивной комиссии*. Вып. 7. Ставрополь, 1915. С. 3-18.

Максимов, 2016 – Максимов К.Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов-на-Дону, 2016. 584 с.

ПСЗ – Первое полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 12 (1744–1748). СПб, 1830. 960 с.

Ряжев, 2012 – Ряжев А.С. Ставропольское калмыцкое войско (1737–1843 гг.): опыт изучения новых источников // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2012. № 3. С. 13-18.

Ряжев, 2018 – Ряжев А.С. Религиозная политика Петра I на южных рубежах России накануне и в ходе Великой Северной войны // *Новый исторический вестник*. 2018. № 4 (58). С. 88-100.

Смирнов, 1997 – Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII в. Самара, 1997. 190 с.

Торопицын, 2002 – Торопицын И.В. Переселение крещеных калмыков в Ставрополь на Волге в 40-х годах XVIII века // *Архив Русской истории*. Т. 7. М. 2002. С. 107-124.

Третьякова, Мыслицкая, 2015 – Третьякова Д.В., Мыслицкая Л.А. П.И. Рычков о волжских ставропольских калмыках: историко-ландшафтные и лингвогеографические наблюдения в «Топографии Оренбургской» // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2015. № 4 (19). С. 256-262.

Ходарковский, 2019 – Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. 349, 2 с.

Шовунов, 1992 – Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества: вторая половина XVII–XIX вв. Элиста, 1992. 317, [2] с.

Djundjuzov, Lyubichankovskii, 2017 – Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskii S.V. (2017). Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity // *Bylye Gody*. Vol. 46. № 4. Pp. 1194-1206.

Kradin, 2014 – Kradin N.N. Nomads of Inner Asia in transition. Moscow, 2014. 296 p.

LeDonne, 2004 – LeDonne J.P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. Oxford – New York, 2004. XV, 261 p.

Sneath, 2007 – Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York, 2007. 273 p.

References

Bakunin, 1995 – Bakunin, V.M. (1995). Opisanie kalmyckih narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo, i postupkov ih hanov i vladel'tsev: Sochinenie 1761 g. [Description of the Kalmyk peoples, and especially of the Torgout people, and the actions of their khans and owners: An essay, 1761]. Elista. 153, [5] p. [in Russian]

Djundjuzov, 2014 – Djundjuzov, S.V. (2014). Rossiiskaya politika hristianizacii kalmykov i ee vliyanie na obshchestvennyye otnosheniya v volzhskom Kalmytskom hanstve (konets XVII – seredina 30-h godov XVIII v.) [The Russian policy of Christianization of Kalmyks and its impact on social relations in the Volga Kalmyk Khanate (late 17th – mid-30s. of the 18th century)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. Vol. 16. 3(2): 359-363. [in Russian]

Djundjuzov, 2020 – Djundjuzov, S.V. (2020). Pravovoe regulirovanie poseleniya kalmykov v Orenburge v 40-e gody XVIII veka [Legal regulation of the settlement of Kalmyks in Orenburg in the 40s of the 18th century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1(33): 80-89. [in Russian]

Djundjuzov, Lyubichankovskii, 2017 – Dzhundzhuzov, S.V., Lyubichankovskii, S.V. (2017). Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity. *Bylye Gody*. 46(4): 1194-1206.

- Djundjuzov, Lyubichankovsky, 2017a – Dzhundzhuzov, S.V., Lyubichankovsky, S.V. (2017). Missionerskaya deyatelnost' Nikodima Lenkeevicha v Kalmyckom hanstve (1725–1734 gody). [Missionary activity of Nikodim Lenkeevich in the Kalmyk Khanate, 1725–1734]. *Novyi istoricheskii vestnik*. 3(53): 172-191. [in Russian]
- Dordjjeva, 2009 – Dordjjeva, E.V. (2009). Vlast' i traditsionnaya kalmytskaya elita v XVIII v. (otkrytaya interaktsiya i skrytye transkripty) [Power and the traditional Kalmyk elite in the 18th century (open interaction and hidden transcripts)]. *Vlast'*. 4: 131-135. [in Russian]
- Khodarkovsky, 2019 – Khodarkovsky, M. (2019). Stepnye rubezhi Rossii. Kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800. [Steppe borders of Russia. How the colonial Empire was created, 1500–1800]. Moscow. 349, 2 p. [in Russian]
- Kradin, 2014 – Kradin, N.N. (2014). Nomads of Inner Asia in transition. Moscow. 296 p.
- Kuznetsov, 2006 – Kuznetsov, V.A. (2006). Stavropol'skoe irregulyarnoe kalmytskoe voisko na sluzhbe Rossii [Stavropol irregular Kalmyk host in the military service of Russia]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Spetsial'nyi vypusk: «Aktual'nye problemy istorii, arheologii, etnografii»*. Pp. 38-42. [in Russian]
- LeDonne, 2004 – LeDonne, J.P. (2004). The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. Oxford – New York. XV, 261 p.
- Lyubimov, 1915 – Lyubimov, S. (1915). Russkie knyaz'ya kalmytskogo proiskhozhdeniya. Knyaz'ya Taishiny, Dondukovy, Dondukovy-Korsakovy, Dondukovy-Iz'ezdinovy [Russian princes of Kalmyk origin. Princes Taishins, Dondukovs, Dondukovs-Korsakovs, Dondukovs-Iz'ezdinovs]. *Trudy Stavropolskoi uchyonoi arhivnoi komissii*. Is. 7. Stavropol. Pp. 3-18. [in Russian]
- Maksimov, 2016 – Maksimov, K.N. (2016). Kalmyki v sostave donsogo kazachestva (XVII – seredina XX v.) [Kalmyks as part of the Don Cossacks (from the 17th through the mid of the 20th century)]. Rostov-na-Donu. 584 p. [in Russian]
- PSZ – Pervoe polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [First complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1830. Vol. 12 (1744–1748). 960, I p. [in Russian]
- Ryazhev, 2012 – Ryazhev, A.S. (2012). Stavropol'skoe kalmytskoe voisko (1737–1843 gg.): opyt izucheniya novyh istochnikov [The Stavropol Kalmyk host, 1737–1843: experience of studying new sources]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN*. 3: 13-18. [in Russian]
- Ryazhev, 2018 – Ryazhev, A.S. (2018). Religioznaya politika Petra I na yuzhnykh rubezhakh Rossii nakanune i v hode Velikoi Severnoi voiny [The Religious Policy of Peter I on the Southern Borders of Russia before and during the Great Northern War]. *Novyi istoricheskii vestnik*. 4(58): 88-100. [in Russian]
- Shovunov, 1992 – Shovunov, K.P. (1992). Kalmyki v sostave rossiiskogo kazachestva: vtoraya polovina XVII – XIX vv. [Kalmyks as part of the Russian Cossacks: from the second half of the 17th century through the 19th century]. Elista. 317, [2] p. [in Russian]
- Smirnov, 1997 – Smirnov, Yu.N. (1997). Orenburgskaya ekspeditsiya (komissiya) i prisoedinenie Zavolzh'ya k Rossii v 30–40-e gg. XVIII v. [Orenburg Expedition (Commission) and the inclusion of the Volga region into Russia from the 30s through the 40s of the 18th century]. Samara. 190 p. [in Russian]
- Sneath, 2007 – Sneath, D. (2007). The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York. 273 p.
- Toropitsyn, 2002 – Toropitsyn, I.V. (2002). Pereselenie kreschionnykh kalmykov v Stavropol' na Volge v 40-h godakh XVIII veka [Relocation of baptized Kalmyks to Stavropol on the Volga River during the 40s of the 18th century]. *Arhiv Russkoi istorii*. Vol. 7. Moscow. Pp. 107-124. [in Russian]
- Tret'yakova, Myslitskaya, 2015 – Tret'yakova, D.V., Myslitskaya, L.A. (2015). P.I. Rychkov o volzhskikh stavropol'skikh kalmykakh: istoriko-landshaftnye i lingvogeograficheskie nablyudeniya v «Topografii Orenburgskoi» [P.I. Rychkov about the Volga Stavropol Kalmyks: historical-landscape and linguogeographical observations in the «Topography of Orenburg»]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 4(19): 256-262. [in Russian]
- Volzhskie..., 2011 – Volzhskie stavropolskie kalmyki: seredina 30-h gg. XVIII v. – pervaya polovina XIX v. Dokumenty i materialy, T. 1. Stavropolskoe kalmytskoe voisko v seredine 30-h – 60-e gg. XVIII v. [The Volga Stavropol Kalmyks: From the mid-1730s through the first half of the 19th century. Documents and materials. Vol. 1. The Stavropol Kalmyk host from the mid-1730s through 1760s]. Rostov-na-Donu, 2011. 320 p. [in Russian]

Неписанный закон: социальные привилегии высшего командного состава Ставропольского корпуса крещеных калмыков в политике государства (40–60-е гг. XVIII в.)

Андрей Сергеевич Ряжев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: riazhev@yandex.ru (А.С. Ряжев)

Аннотация. Статья посвящена формированию пограничного военно-политического уклада на юге и юго-востоке Российской империи во второй трети XVIII в. Впервые в научной литературе изучены основополагающие принципы отношений государства с этноконфессиональными группами степного пограничья и стоявшими во главе их локальными элитами в определенный период раннего Нового времени. Репрезентативным примером исследования служит Ставропольское калмыцкое войско (с 1745 г. – корпус крещеных калмыков). На основе малоизвестных документов прослежено складывание войсковой верхушки вокруг первой правительницы калмыцкого поселения в Ставрополе-на-Волге княгини А.А. Тайшиной. Также определен характер социальных отношений, в которые был включен наиболее влиятельный слой войсковых командиров, прослежены проявления социальной дифференциации в этой среде. Наибольшее внимание уделено фактическому положению и социальным притязаниям привилегированной страты войска в сравнении с ее правовым статусом. Показано, что в годы правления Елизаветы Петровны она могла добиваться корпоративных феодальных привилегий явочным порядком при попустительстве, выраженном и в законах, и в поведении местной военно-гражданской администрации. Однако с приходом Екатерины II ситуация стала изменяться в противоположную сторону. В итоге автор констатирует, что с расширением политического взаимодействия со степью и в условиях екатерининской веротерпимости локальная группа крещеной калмыцкой аристократии переставала быть востребованной государством по-прежнему, соответственно, рост ее социальных привилегий ограничивался.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, Елизавета Петровна, Екатерина II, княгиня А.А. Тайшина (Церен Янжи), этноконфессиональные группы, крещеная калмыцкая аристократия, Ставропольское калмыцкое войско, социальные отношения, веротерпимость.